

итака

Чуть слышно секунды в зонах стрекочут-токуют,
За край ойкумены устало утечь потакая.
Кто в сердце таскает по свету итаку какую,
Не светит тому лет уж десять итака такая.

Что время? Циклоп, не сметливей слепца Полифема?
Ты славно провёл его, волче, в овечьем обличье,
То присказка странствий, она же, в девичестве, тема.
А рема – ремарка, и небо щебечет по-птичьи.

Портрет имярека не равен стал сумме деталей,
Плодимых эпохой, где квантами памяти – мемы,
А мнеме* цела, как в ракушке уснувшая гемма,
В шкатулке Елены (камео). Троянских баталий

Беззвучно кино, и сирены совсем безголосы.
Какое койне, где словарные гнёздышки свиты?
Как птицам, сидящим на ветке одной изоглоссы,
Кормить семенами птенцов своего алфавита?

Шагреневость карты, прокрустовость веры и правил...
Пройдя сквозь кротовые норы эгейского карста,

Находишь лишь то, что забыл, а не то, что оставил.
Она и причина расстройств, она и лекарство.

* мнемe – память (греч.)

Беспилотное

Мене, мене, текел, гелий, упарсин.
Много лет тому назад и много лун
Он созрел на ветке, цитрус-цеппелин,
И уплыл в туман, молочный, как улун.

Кистепёрым махолётам не чета,
Верхоплавкам атмосферным форы дал,
От падения спасает высота,
Сам икар себе и сам себе дедал.

На приколе, на прицеле, на цепи.
Что за ржа суда в сухой заводит док?
Водоплавай, не летай и не глупи,
Эй, сарынь, давай, на кичку, пар – в гудок.

Бродят в гавани бездомные огни.
« – Далеко вам?» – «Да на выселки, подбрось».
« – Эй, трансформер, коль свободен, то мигни,
Крибле-крабле, шестерёнка, полуось».

Как сказал один заслуженный семит,
Оказавшийся, к несчастью, не у дел,
«Этот локус даже полный безлимит
Превращает в оголтелый беспредел».

Шар снаружи, но амфибия – внутри?
Философским пароходом – за бугор!
Сколько ручку ты судьбе ни серебри,
Но её не объегоришь, кьеркегор.

Он заходит в порт с эскортом афалин...
Бортжурнал. Пока не полный, но абзац:

«Упадает беспилотно цеппелин,
Улетает мой бесплотный пепелац».

Донное

По радио утром сказали: «Достигли дна» –
И город накрыло солёной морской шугой.
Вполне атлантидно под нами плывёт страна,
И мы кессонно не знаем такой другой.

Кто ласты клеит, кто жабры себе растит,
А солнце вверху в абажуре из снежуры.
Молчи, непечатных знаков копя петит,
Пока на соседних звёздах цветут миры.

Оксюморительно видеть сухим сырьё:
В подводном царстве нелепо играть с огнём,
Но только всё чаще ты слышишь, как ё моё,
Крепчая, становится таким общим ём.

сара

где над красной горкой
небосвод согбенен,
ходят за махоркой
ленин и неленин

ленин и неленин –
их союз бинарен,
третий нелинеен,
третий – он бухарин.

не заварят свары,
не замутят смуты,
в ожиданье сары
вертят самокруты.

сара – это кара,
сара – это эра
чёрного корсара,
правого эсера.

«искра гасит пламя,
тесновата тара...
да пребудет с нами
сара-чегевара.

Я ль тебе не пара?
Ты ли нам химера?
Здравствуй, наша сара,
шмара-компаньера!».

где за красной горкой
горизонт безвиден,
чинит микросхемы
техник Сара Иден.

санитар

Ариадна тает, речи теряя нить:
«Абонент недоступен. Пытался перезвонить».
Колет кубик – по протоколу,
а он
скользит по глиссаде в кому,
туда, где вязкая глубина.
– «Ариадна..!»

Он не знает, при чём здесь минос, при чём здесь крит.
Знает я – но я с двоими не говорит.
Я сливается с ним, остаётся она одна –
Ариадна.

Ариадна мерцает – дорожка света и щель в стене,
Пациент – реконструктор, сломавший своё пенсне.
Белизна больничная взгляды пьёт до глазного дна,
«...адна...»

Раньше были луанда, герат, мосул.
Я пытался бодриться. На этих двоих – уснул.
И за сон на посту мне назначен чужой рубеж
И бомбить за него воронеж и марракеш.